

Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ

г. Петрозаводск

Два бойца

*«Служили два товарища в одном и тем полке»,
– поет Николай Расторгуев. Грамматически пра-
вильно, конечно, будет «в одном и том полку»,
но это не так колоритно.*

*А как назвать текст о двух молодых женщинах,
которые вместе служили в «одном и тем» воинс-
ком подразделении?*

Однополчане? Сослуживцы?

*Воинская служба с незапамятных времен счи-
талась мужским делом, и хотя случается, что в
нем принимали участие и женщины, но слова,
относящиеся к этому роду занятий, обычно упот-
ребляются в мужском роде. Красноармеец, но
не красноармейка, солдат, но не солдатка, пото-
му что солдатка – это жена или вдова солдата,
рядовой, но не рядовая.*

*Военнослужащая – форма правильная и до-
пустимая, только звучит как-то по-канцелярски.*

Это мне не нравится.

Назову своих героинь бойцами.

*Боец – это и солдат, и рядовой, и воин. Вооб-
ще очень по-русски и в то же время торжествен-
но, поэтично. «Бойцы поминают минувшие дни и
битвы, где вместе рубились они».*

Смело навстречу иди Носорогу...

*Диктофонная запись беседы
с Еленой Панышевой.*

В юности зуд стихотворчества – явление
обычное, можно сказать, повальное и зау-
рядное. Потом это проходит, как ангина в
легкой форме.

Но если человек уже в зрелом возрасте начинает
рифмовать строки и таким образом выражает свое
отношение к природе, обществу, вообще к миру,
то это уже позиция, в основе которой философское
осмысление происходящих явлений и событий.

Но что скрывается за этим кроме литературно-
го дара?

Какими чертами характера обладает такой че-
ловек? Как закаляется сталь, в данном случае –
поэтическая.

Елена Панышева свое первое стихотворение
написала в тридцать девять лет.

Поздно? А может, время пришло заявить о себе?
Нашу беседу мы начали с истории ее семьи, пото-

му что из таких простых и в то же время уникальных родословных соткана общая история нашего общества. Это «начало начал», как поет Лев Лещенко.

– Мама меня родила в 19 лет. Отец, ее ровесник, вскоре был призван на службу в армию. Поэтому большую часть времени я жила у маминых родителей, у дедушки и бабушки. Я была у них первая и любимая внучка.

Мой дед, Михаил Ефимович Кочаков, 1918 года рождения, карел, родом из Важинской пристани. По жизни удачливый, он «родился в рубашке».

Я не понимала, что означает это выражение, пока не рассказали о факте появления деда на свет. Его мать, моя прабабушка Фекла, уже на сносях пошла доить корову. Там, в сеннике, и начались у нее роды. Позвала на помощь мужа Ефима. «Ой, – удивился тот, – какой-то лягушонок из тебя вышел». А это ребенок в околоплодной оболочке ворочается. «Рви скорее пузырь! – закричала прабабушка. – А то дитя задохнется».

То, что дед удачлив, выяснилось довольно скоро.

В раннем детстве он крикуном был ужасным. Никакого покоя от него не было. А тут случилась белофинская авантюра. Когда враги были уже неподалеку от села, все жители ушли от греха подальше в лес, а Феклу вместе с дочерьми и сыном с собой не взяли – уж очень ребенок у нее шумный. Что делать? Оставленные сельчанами спрятались в подполе. Финны их, конечно, сразу обнаружили, но не тронули, а даже накормили, чтобы маленький беспокойный карел перестал орать во всю глотку.

А как-то, когда мой дед был еще мальчишкой, его отправили в ночное пасти лошадей. И вдруг – волки. Лошадь, на которой сидел Миша, от страха понесла, он с нее упал, ударился головой о камень и потерял сознание. Так волки не только маленького пастуха, но и охраняемый им скот не тронули. Как пришли, так и ушли.

В тридцатые годы прадед Ефим со всем своим семейством перебрался в Петрозаводск. Жили они на улице Анохина, этого дома давно уже нет. Прадед работал в бригаде биндюжников, которая возила грузы от пристани.

В советско-финляндскую войну мой дед, Михаил Кочаков, служил в армии переводчиком. О той «войне незначительной», а в общем-то для нашей страны позорной, он никогда не рассказывал.

Только однажды, незадолго до смерти, нахлынули на него воспоминания той поры. Я везла его в госпиталь. Накануне была оттепель, но за ночь сильно похолодало – обычная для Карелии погода.

«Вот так же и в финскую было, – сказал дед. – Ударил вдруг сильный заморозок. Мы-то, карелы, к такому привычны, но в нашу часть как раз перед этой природной аномалией прибыло пополнение из ребят, призванных в Средней Азии. Многие из них тогда замерзли, выносимые из окопов трупы штабелями складывали».

В июне сорок первого Михаила Кочакова и одного из его сослуживцев командование решило отправить на курсы красных командиров.

Дед рассказывал: «У нас как раз полевые учения были. Мы с товарищем по-быстрому собрались, идем по дорожке, а навстречу вестовой из штаба скачет. «Война! – кричит. – Война началась!» Что делать? Возвращаться в часть? Но с другой стороны – у нас на руках приказ прибыть без промедления в город Ленинград. Решили, что приказ важнее, и поехали в славный город на Неве».

На курсах он обучался в Бийске и после их окончания получил назначение на должность командира роты формировавшегося под Казанью 101-го батальона ВНОС.

Здесь необходимо пояснение. Подразделения воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) относились к отдельному роду войск противовоздушной обороны (ПВО). В России они появились в 1914 году и просуществовали до 1951 года. Предназначались для ведения противовоздушной разведки и предупреждения об ударах воздушного нападения противника. Служили в подразделениях ВНОС в основном девушки и молодые женщины.

До того как новоиспеченный красный командир Михаил Кочаков прибыл к месту службы, в формировавшейся части произошло ЧП.

У командира батальона и командира одной из рот случился жаркий спор о предназначении и необходимости женщин на войне. Слово за слово, и как-то ненароком вспомнили исторический пример Жанны д'Арк. После чего – причудлив и непостижим бывает порой мыслительный процесс русского человека – спорщики, призвав на помощь батальонного медика, решили... проверить на девственность девушек одной из рот. Те, конечно, возмутились, но им было сказано, что в армии это необходимая процедура и вообще приказы командиров не обсуждаются, а выполняются.

После чего состоялась и сама тщательная проверка, о которой одна из обидевшихся девушек

написала своим родителям. Время было военное, и письмо, разумеется, попало в руки цензору, который вначале изумился, а затем направил его для ознакомления высшему командованию.

Результат спора оказался трагичным – чтобы неповадно было своевольничать, командиров батальона и роты, а заодно и батальонного медика расстреляли.

А освободившееся таким образом место занял новый комроты Михаил Кочаков. До конца войны он в отношении с подчиненными держался строго официально и неукоснительно соблюдал необходимую дистанцию. «Да ну их к чертовой матери, этих девок, – говорил, – еще подведут под монастырь». («Ах, Мишенька, – сетовали потом на встречах ветеранов бывшие вносовцы, – какой же ты был неприступный, а ведь мы всей ротой были в тебя влюблены».)

Здесь же, когда формировался батальон, а его бойцы обучались основам своей будущей деятельности, мой дед познакомился в селе Лаишево (сейчас это город, районный центр) со своей будущей женой Валентиной.

Затем случилось то, что и должно было случиться: 101-й батальон отправили в зону боевых действий, Валентина же отправилась рыть окопы. Через некоторое время она отнесла заявление в военкомат и вскоре оказалась в рядах действующей армии, точнее – в подразделении военной цензуры.

В 1944 году в Западной Белоруссии Михаил и Валентина служили неподалеку друг от друга. После освобождения Пинска дед сделал бабушке предложение стать его женой. Она дала согласие.

Дед отправил за невестой своего ординарца. По освобожденной территории уже ходили поезда. Ехали ночью, но поскольку здесь, как и везде, соблюдался режим светомаскировки, они по ошибке вышли на одну станцию раньше. Пришлось целый перегон топтать пешком. Идут – и вдруг из темноты: «Стой! Кто идет?» – часовой. – «Свои». – «Какие свои? Ложись, а то стрелять буду!» Бабушка на своей свадьбе решила быть непременно в платье, не белом, конечно, но все-таки нарядном. Однако пришлось ей лечь прямо в грязь и лежать до той поры, пока не пришел разводящий караула и не проверил документы.

Свадьба была батальонной. Вместо шампанского пили спирт.

В победном сорок пятом в семье Кочаковых родился сын, которого называли Славой.

После войны дед служил в Бресте, Кобрине, где родилась моя мама, в Минске, потом его направили в Южно-Сахалинск. После выхода в отставку работал в системе гражданской обороны. А

когда у моего брата родился сын Илюша, дед закончил свою трудовую деятельность и стал с ним нянчиться. Бабушка в это время еще работала, добирала необходимый рабочий стаж, ведь после войны она много лет ездила с дедом по гарнизонам и считалась просто домохозяйкой.

– **Есть ли у тебя стихи о своем дед?**

– Есть. Я очень его любила. Вот, например, стихотворение «Бидончик».

*Мой дед за молоком идет
С бидоном и авоськой,
Как будто строй солдат ведет
Походкою геройской.
Хоть стар и немощен старик,
Чеканит шаг упрямо.
За годы службы он привык
В строю держаться прямо.
И пусть года ведут свой путь
К отметке девяносто,
Солдата старого согнуть
Не так-то, видно, просто.
А бабушка не применит,
Взглянув в окно, отметить,
Что так бидончик не несет
Никто на белом свете.*

– **Что можешь сказать о родителях отца?**

– Они из Беломорска. Фамилия Матросовы. Деда Коля и баба Наташа. Я их видела только в раннем детстве и поэтому почти не помню. Дед работал в порту на погрузчике, а бабушка – домохозяйка.

Дед время от времени бывал в Петрозаводске, а бабушка из Беломорска не выезжала – у нее на руках был сын-инвалид.

Моего отца они всегда уважительно называли по имени-отчеству. Такие в этой семье были порядки.

– **Расскажи о своих родителях.**

– Мой отец, Валерий Николаевич Матросов, был сварщиком. После службы в армии немного поработал на комбинате строительных конструкций, а затем перешел на «Тяжбуммаш». Насколько я понимаю, он был асом в своем деле. Его неоднократно приглашали в Институт Патона для демонстрации различных приемов сварки, как мы сейчас говорим – давал мастер-класс коллегам по ремеслу.

Время от времени у него случались необычные командировки, например на строительство Байконура, куда для особо ответственных работ пригласили лучших специалистов со всей страны.

Мама, Алевтина Михайловна Матросова, была вязальщицей в «Пушинке» и активно занималась общественной работой. Ее за решительность и принципиальность даже неоднократно выбирали парторгом предприятия.

А вообще, я из поколения детей, родители которых в основном жили своей работой. Помните песни того времени? «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

Так что нашим воспитанием в раннем детстве обычно занималось старшее поколение. У меня это были ветеран двух войн, дисциплинированный и душевный человек Михаил Ефимович Кочаков, его жена, умница и книголюб Валентина Афанасьевна Кочакова, легкая на подъем, песенница Евдокия Семеновна Ганина – моя прабабушка.

А потом главным воспитателем стал спорт.

– Разве не школа?

– Школа дала первичные знания и привила чувство коллективизма, но в воспитании характера и проявлении только твоих личных качеств я бы все-таки пальму первенства отдала спорту.

В детстве я была подвержена различным простудным заболеваниям, и родителям посоветовали записать меня в лыжную секцию.

Жили мы тогда на улице Мелентьевой.

После школьных занятий я, в то время пятиклассница, садилась на автобус третьего маршрута и ехала в сторону Сулажгоры, там через питомник шла на спортивную базу. Погодные условия не имели значения – тренировкам без всякой поправки отдавалось шесть дней в неделю. От них освобождали только в воскресенье.

Когда начала показывать на дистанции неплохие результаты, меня стали брать на соревнования и спортивные сборы.

Летом вывозили тренироваться на юг или на турбазу «Косалма», разумеется, за государственный счет. От нас требовалось только одно – желание заниматься спортом.

Вы когда-нибудь бывали на лыжных соревнованиях?

На них спортсменов не подбадривают словами «поднажми!», «давай-давай!» или «прибавь ходу!». Ему кричат: «Терпи!»

Лыжный спорт приучает к терпению и преодолению самого себя.

Я им занималась до шестнадцати лет.

Когда была уже старшеклассницей, одна из подруг записалась в Клуб юных летчиков. После ее восторженных рассказов мне тоже страсть как захотелось полетать на дельтаплане.

Правда, полетами это действие можно назвать лишь с большой натяжкой. Значительная часть времени уходила на их подготовку.

Нужно было добраться до Кургана, там собрать дельтаплан, затем друзья разгоняли летательный аппарат, и ты не то чтобы взмывал, а как бы подвсплывал над землей, чтобы через несколько секунд шлепнуться обратно.

Но именно эти краткие мгновения полета вызвали истинный восторг.

Я буквально влюбилась в необыкновенное и ни с чем не сравнимое чувство покорения пятого океана.

Если бы в Петрозаводске имелось спортивное общество воздухоплателей, обязательно бы в него записалась. Но у нас, к сожалению, не практикуются полеты на воздушных шарах.

Поэтому, недолго раздумывая, я пошла в парашютную секцию, которая была открыта при клубе ДОСААФ.

Свой первый прыжок совершила на аэродроме под Деревянным.

– Страшно было?

– Когда на километровой высоте перед тобой открывается дверь в мир тишины и бесконечного простора и тебе, чтобы попасть в него, нужно лишь оттолкнуться от рубчатого порожка самолета – то это, конечно, необычно, тревожно, но не страшно.

Ты уже живешь предвкушением предстоящего полета и поэтому без раздумий ныряешь в открывшуюся бездну, воздушные потоки плющат лицо, краткий миг свободного падения, но вот с резким хлопком, похожим на выстрел, раскрывается купол парашюта – и ты уже паришь над землей. Ты – птица. От адреналина чуть ли не вскипает кровь, эмоции зашкаливают. Это как детский сон наяву, когда от восхищения полета не хочется просыпаться.

– Только этим и запомнился первый прыжок?

– Не только. (Смеется.) Прыгали мы зимой. Инструктор накануне сказал, чтобы оделись, во-первых, теплее, а во-вторых, как он выразился, пострашнее – вдруг ветром отнесет от аэродрома и придется на лес приземляться.

Но опытные девушки нашей команды знали, что

*Елена
Паньшева
на службе*

*Елена
Паньшева
перед
прыжком*

после прыжков обязательно будет коллективное фотографирование. На снимке они все с необходимым, хотя и не чрезмерным, макияжем и в красивых спортивных курточках, а я чуня чуней – в валенках, старой отцовской телогрейке и большой шапке-ушанке.

Что же касается страха, то он приходит, но позднее, после эйфории первых удачных прыжков. Когда начинаешь понимать, что только от тебя самой как при подготовке к прыжкам, так и от действий в воздухе в конечном счете зависит твоя жизнь.

Я совершила более шестисот прыжков и твердо уверена, что в парашютном спорте страх является одним из необходимых условий твоей же собственной безопасности.

Но нужно научиться его контролировать, а при необходимости и подавлять.

А если страха нет, то наступает эдакая бесшабашность, которая и является причиной большинства несчастных случаев.

– Случались ли у тебя в воздухе чрезвычайные ситуации?

– Да, как-то в Мурманске была у меня «отцепка». Как бы это объяснить? Суть в том, что если по какой-либо причине не раскрылся основной купол, то от него нужно избавиться – отцепить. А это целая наука. Необходимо, причем обязательно одновременно, снять с предохранителей два замка, которые находятся на уровне головы, что в свободном падении сделать не так-то просто. Вот где необходимо и хладнокровие, и четкий контроль всех своих действий. Только отцепившись от главного купола, можно раскрывать запасной парашют.

В Мурманск мы приехали на Праздник Севера. В первый прыжковый день погода была мягкая, но в воздухе ощущалась повышенная влажность, что совсем не редкость в тех широтах. Мы нормально отработали свою программу. Парашюты для следующего дня укладывали в холодном неотопляемом помещении. Ночью ударил мороз. Те ребята, которые утром встали пораньше, заново уложили свои парашюты, а я поленилась, хотя и мелькнула мысль, что купол мог смерзнуться, встать колом и не раскрыться.

Прыгали мы на командную точность приземления. Я самолет покидала второй. Дернула кольцо – парашют не раскрылся, болтается комом, отцепилась от него, выбросила запаску, она пошла между ног, и мне невольно пришлось совершить в воздухе кульбит, только тогда парашют оказался, как и положено, над головой. Вот и аэродром. Земля встретила порывом ветра. Парашют надулся парусом и понес меня в даль неизвестную. Надо бы заломить группу строп и погасить купол, но на меня от пережитого волнения навалилось расслабляющая, словно ватная, апатия, перевернулась на спину и качу себе на ранце как на саночках.

Догнали меня на «Буране», отвезли на пункт сбора и сообщают, что прыжок не засчитан, всем засчитан, а мне нет, и нужно прыгнуть снова. Тут же принесли парашют Гали Цыкас, а она женщина габаритная, мощная, я рядом с ней – рябинка перед дубом, но подтянули подвесную систему – и в самолет. Прыгнула. «Молодец, – говорят. – Зачет».

Сейчас понимаю, с психологической точки зрения все было сделано совершенно правильно

– мне не дали заикнуться на своих переживаниях и после повторного прыжка они рассеялись, как при восходе солнца рассеивается над озером утренний туман.

После этого я совершила еще множество прыжков, а ту «отцепку» в мурманском небе из памяти словно стерло, как будто ее и не было.

– Говорят, что от трагичного до смешного всего лишь шаг. Случались ли в вашей команде ситуации, о которых потом вспоминают с улыбкой?

– Конечно. Вот, например, одна из них.

В прыжковые дни мы обычно ездили обедать в Деревянное, но иногда, чтобы в хорошую погоду не терять понапрасну время, нам еду привозили в термосах. Неподалеку от «Старта» была сколочена небольшая полевая столовая под крышей, а недалеко от него стоял туалет – деревянная будочка, но уже без крыши.

В тот день мы встали рано, часов в пять, до шести подготовили «Старт» и уже сделали по три прыжка, когда привезли завтрак. Не помню, что там было, но только в самолете почувствовала, что с моим желудком творится что-то не то. Осмотрелась и замечаю – не я одна маюсь. Друзья мои какие-то молчаливые, сосредоточенные, ни шуток тебе, ни взаимных подначек. Самолет набрал высоту, и команда без промедления устремилась к двери, чтобы как можно быстрее покинуть борт.

А в воздухе вижу – все дружно взяли направление в сторону туалета.

Так что это был истинно коллективный прыжок на точность приземления.

Жаль, что подобные казусы не отмечают специальными грамотами.

– Чем привлекал тебя парашютный спорт?

– Наверное, вначале следует отметить, что мне по душе пришлась сама среда парашютистов. Здесь все было на равных – новички и признанные мастера. Мы были единой командой.

Сам же парашютный спорт приучал к дисциплинированности, тщательности и аккуратности даже в мелочах, умению ориентироваться в сложной обстановке, когда нужно быстро, по сути, мгновенно, принять единственно правильное решение.

А необъятное, всегда манящее небо дарило чувство свободы и будило фантазию.

– Сколько лет ты прыгала с парашютом?

– Шесть. С шестнадцати до двадцати двух.

За это время дважды поступала в университет. Вначале на медицинский факультет, на чем настояли родители. Меня же медицина совсем не привлекала, но не хотелось протестовать в открытую. Сдала на «хор» все экзамены, осталось только сочинение написать. На экзамен приехала с прыжков, даже на час опоздала, думала – не допустят, напрасно я на это рассчитывала – допустили. Быстренько что-то написала, однако сделала столько грамматических ошибок, что получила законный «неуд». С облегчением вздохнула и поступила в первое техническое училище учиться на механика радиоприборов и аппаратуры. Его я окончила с красным дипломом и поступила на физмат. Училась хорошо, однако спорт не бросала, постоянно выезжала то на сборы, то на тренировки, то на соревнования. Кончилось это тем, что меня отчислили с факультета. Думаете, расстроилась? Ничуть, потому что уже понимала – это не мое, и пошла на производство. Была инструктором по спортивной работе в автоколонне 1124. Вскоре вышла замуж, и начались совсем другие заботы. Хотя по небу еще долго скучала, но жизнь есть жизнь и во имя будущего иногда приходится чем-то жертвовать в настоящем.

– Расскажи о своей трудовой деятельности.

– Инструктором по спорту проработала недолго. Вскоре меня послали учиться на полугодовые курсы программистов.

Автоколонна 1124 в то время была современным рентабельным предприятием. У нас был хороший директор, который постоянно думал о развитии производства. Требовательный к себе, он был требовательным и ко всем рабочим и служащим. Некоторые это воспринимали как излишнюю жесткость.

Именно при этом директоре было возведено новое административное здание, а там и актовый зал, и комната психологической разгрузки, и кабинет мануальной терапии, и зубной кабинет. Коридоры украшали цветы, и специально нанятый работник за ними ухаживал. Кроме того, были построены детсад и большой жилой дом, в котором получила квартиру наша семья.

Так называемая перестройка, а по сути возвращение на капиталистический путь развития, не пошла автоколонне на пользу.

Все работники получили акции предприятия, а затем на общем собрании в полном соответствии со

всеми существующими демократическими нормами выбрали нового, более либерального директора.

Тотчас упала дисциплина труда, а вместе с ней и зарплаты. Начались увольнения рабочих, сокращения служащих, распродажа имущества и акций.

Когда я вышла из декретного отпуска, моей должности уже не существовало.

Кто сейчас владеет предприятием, не знаю, но автоколонны попросту нет, а есть некая территория, на которой держат свой транспорт водители-дальнобойщики, в том числе и мой муж.

– Чем занялась, потеряв работу?

– Пошла служить в армию.

– Неожиданное решение.

– В то время, как мне представлялось, оно было оптимальным. Устроиться куда-либо на работу было проблематично, а воинская служба меня не страшила. Не без помощи родственников попала в 40-й топогеодезический отряд, который, как видно из самого названия, занимался топографическими и геодезическими работами. Приняли меня на должность радиотелеграфиста, но первый год службы пришлось поработать поваром. Сейчас армия стала совсем другая, а в то время в ней можно было воочию наблюдать все те же негативные явления, которыми болела страна. Например, денежное довольствие нам, как и на многих предприятиях, не выплачивали по полгода. До сих пор удивляюсь, как тогда выживали.

– Живи по уставу – получишь честь и славу.

– Так-то оно так, но в каком уставе сказано, что солдат изо дня в день нужно кормить маринованной картошкой и селедкой? Чтобы хоть как-то разнообразить стол, зеленушку около столовой выращивали, дрожжи из дому приносили – напечь оладушек.

Газеты трубили о гласности, а из нашей части чуть ли не тайком отправляли ребят на первую чеченскую войну. Родители звонят командиру – где наши дети? А он ссылается на приказ о неразглашении военной тайны и ответить им ничего не может. Это уж потом с этой темы сняли гриф секретности и о боевых действиях на Кавказе стали говорить и писать открыто.

О своей службе в армии Елена рассказывает неохотно.

Уставные отношения специфичны и прямолинейны, они не будят фантазию. Душа же требовала чего-то иного, возвышенного, и Елена обратилась к поэзии – в тридцать девять лет начала писать стихи.

– Стала посещать занятия литературного объединения при молодежной газете, которые вел известный публицист и поэт Николай Петрович Федоров. Ему я показала свои первые стихотворные опыты.

Николай Петрович сказал, что у автора, то есть у меня, есть поэтический дар, в стихах ощущается жизненный опыт, но порой не хватает литературных знаний. Так оно и было. С детства я читала много, но беспорядочно – то, что в руки попадало, или то, о чем говорили и спорили. Чтобы навести некий порядок в своем литературном багаже и обогатиться новыми знаниями, поступила на филологический факультет нашего университета. Училась добросовестно, потому что стыдно было в моем возрасте мямлить нечто невразумительное на зачетах и экзаменах и уж тем более шпаргалить. После филологического почти на «отлично» окончила еще и юридический факультет. В общем, учиться мне понравилось. А о стихах, которые пишу с той поры, не мне судить. Просто пишу.

– Что может послужить толчком к появлению нового стихотворения?

– Иногда это одна неожиданно родившаяся строка, чаще – размышления о чем-то увиденном или услышанном. Есть и стихи-воспоминания. Публиковаться не спешу, я от природы человек не амбициозный и пишу не для славы, а для себя, для выражения в стихотворной форме своих мыслей и чувств.

«Поэзия – вся! – езда в незнаемое», – писал Маяковский.

Елена Панышева смело вступила в эту поэтическую страну и по сегодняшний день продолжает ее познавать. Она вообще человек не только одаренный, но и решительный. Поэтому, размышляя над записью наших бесед, я решил назвать эти заметки строчкой из старой сказки (так она обозначена автором), а по сути ироничной баллады для детей Корнея Чуковского «Крокодил».

В этой строчке видится не только добрая улыбка Корнея Ивановича, которая окрашивает многие его произведения, но и угадывается переключка с поэтическим призывом Генриха Гейне: «Бей в барабан – и не бойся!»

Королева по приказу

Красавица сама по себе грозное оружие. Как легендарный Т-34.

А если она умеет метко стрелять, с отличным результатом преодолевает полосу препятствий, знает строевую подготовку, а кроме того, поет, танцует, пишет стихи и неплохо рисует – то такую девушку или молодую женщину смело можно сравнить с российским современным танком Т-14 «Армата», потому что красота, как внешняя, так и содержательная, – это, кроме всего прочего, еще и высшая форма целесообразности.

Так или примерно так рассуждали высокие военные Министерства обороны, когда в 2002 году задумали Всеармейскую информационно-пропагандистскую акцию «Красавица в погонах».

Ее идея главным образом заключалась в том, чтобы показать юношам призывного возраста, что мир вооруженных сил хотя и регламентируется уставами, но, тем не менее, намного ярче, шире и разнообразней, чем заурядная шагистика на плацу и наряды на кухне.

Другими словами, у военного руководства возникла необходимость во что бы то ни стало поднять престиж армии, изрядно потускневший в годы перехода страны на капиталистические рельсы развития.

Конкурс проходил в два этапа.

Первый, как это принято на общероссийских состязаниях, проводился «на местах».

В Ленинградском военном округе нашу республику представляла младший сержант находящегося тогда в Петрозаводске 40-го топогеодезического отряда, старший кинорадиомеханик Татьяна Посевнина.

Выступила она, как сама полагает, в меру своих сил и возможностей, но в тройку лидеров не попала.

– Что меня не огорчило. Может, потому, что никогда не считала себя эталонной красавицей, – говорит Татьяна. – Как там в книге про бойца «Василий Теркин»? «Мне ордена не надо, я согласен на медаль»? Вот и я была согласна. А то, что из всех девушек, служивших в Карелии, именно меня командировали на столь необычное для армии мероприятие, стало именно такой наградой.

Каково же было удивление Посевниной, когда в конце февраля следующего, 2003 года поступил приказ именно ее отправить в Москву на заключительный этап Всероссийского конкурса.

– А почему не победительниц отборочного тура? – спросила Татьяна.

Оказалось, что одна из них уволилась из армии, вторая не подходила по возрасту, а третья сама отказалась.

– Меня спросили: «Поедешь?» Говорю: «Если надо – поеду».

Здесь необходимо рассказать, как Татьяна оказалась на армейской службе.

Родители ее родом из Сибири.

Отец, Владимир Васильевич Посевнин, после окончания военного училища был отправлен служить в Чехословакию. Вместе с ним выехала и жена Валентина Владимировна. Именно там, в военном госпитале, 21 февраля 1975 года у них родилась дочь Татьяна. Поэтому в паспорте у нее местом рождения указан город Прага.

Свою родословную Татьяна не составляла, но знает, что в ней можно обнаружить то ли украинские, то ли белорусские корни, потому что ее прадедушка носил фамилию Посева, а Посевниным стал дедушка, который волею судьбы оказался в России.

После Чехословакии, как это весьма обычно для людей в погонах, Владимир Васильевич продолжил службу в различных гарнизонах.

Когда Тане исполнилось семь лет, семья Посевниных оказалась в Карелии, в городе Сортавала.

Именно там она пошла в школу.

Училась ровно, а поскольку с детства была дисциплинированной и прилежной девочкой, то в учебе успевала по всем предметам без исключения, даже не хорошистка – отличница.

Из города Сортавала семья вскоре переехала в Петрозаводск, Таня стала учиться в 27-й школе. В девяносто первом году старшеклассники побывали в гостях у французских сверстников из города-побратима Ла-Рошель.

Как мы знаем из истории, Ла-Рошель, этот последний оплот гугенотов, после упорной осады был взят кардиналом Ришелье в 1628 году.

Именно там, на бастионе Сен-Жерве, д'Артаньян и его верные друзья Атос, Портос, Арамис на пари устроили завтрак, во время которого успешно отбили все упорные атаки ларошельцев – да, да, именно ларошельцев, потому что герои «Трех мушкетеров» состояли на службе в королевском войске.

После этого эпатажного завтрака гвардеец д'Артаньян получил желанный плащ мушкетера, а Татьяне по возвращении из города-побратима редактор «Моей газеты» Любовь Герасева предложила написать о своих впечатлениях.

«Почему бы и нет?» – подумала Татьяна.

*Татьяна
Посевина
на службе*

*Татьяна
Посевина –
«Красавица
в погонах»*

И написала.
Ее заметка была опубликована на страницах детского литературно-художественного журнала «Кипиня» («Искорка») и прозвучала по Карельскому радио.

После такого несомненного успеха Татьяна решила стать журналистом и, окончив школу, поступила на филологический факультет Петрозаводского университета.

В 1997-м получила диплом о высшем образовании.

На тот момент у нее уже был маленький ребенок. Жила на съемной квартире.

С журналистикой у Татьяны не сложилось.

Идти педагогом в школу на маленькую зарплату, которую к тому же постоянно задерживают? Нет, этот вариант Татьяну не устраивал.

Она пошла в армию.

Отец-полковник одобрил ее выбор.

Здесь уместно вспомнить ответ Татьяны на вопрос одного из журналистов.

После конкурса «Красавица в погонах» корреспондент газеты «Аргументы и факты» спросил ее:

– Татьяна, а как вы вообще попали в армию?

– У меня отец военный. Насмотрелась на отцовские погоны... Я с детства хотела пойти служить в армию, и, когда меня спрашивали, кем я хочу стать, я говорила: «военной». Мне всегда казалось, что в армии есть порядок, которого нет в гражданских организациях. Папа с детства приучил меня к порядку – я планы себе на каждый день писала.

Службу она начала в 30-й стрелковой дивизии оператором отделения охранной сигнализации. Позже перевелась в чертежное бюро республиканского военкомата. Затем был Санкт-Петербург, где муж учился в ординатуре, Татьяна поехала вместе с ним и работала в областном военкомате. Когда они вернулись в Петрозаводск, 30-я бригада уже бы-

ла расформирована, Татьяна продолжила службу на должности старшего кинорадиомеханика в 40-м топогеодезическом отряде.

– Работа у нас была такая же, как у срочников – такие же наряды, учения. Только мы вечером домой уходили, – рассказывала она.

Именно из этого отряда Татьяну Посевину командировали на всероссийский смотр армейских красавиц.

Сообщили ей об этом в пятницу, а в понедельник уже нужно было отправляться в Москву.

– Три дня до выезда у меня были заполнены без остатка, – рассказывает она. – Подстриглась, покрасилась, сделала укладку. В Доме офицеров про меня сняли и смонтировали видеоролик. Национальный костюм, который требовалось иметь по условиям состязания, попро-

сили в ансамбле «Кантеле». В детском творческом центре мне показали фигуры вальса и там же обучили походке манекенщиц. Чтобы достойно выглядеть в номинации «Я – человек творческий», написала маслом карельский пейзаж – вот где пригодилось умение, некогда полученное в художественной школе. (Немаловажный штрих. У человека, который не умеет рисовать, вряд ли найдутся дома масляные краски.) А для конкурса «Романтика в моей профессии» сочинила небольшое стихотворение. Чтобы поупражняться на стрельбище, у меня времени не хватило, но зато поехала со своим баянистом.

Всего на состязание красавиц в погонах в Москву 4 марта съехалось шестнадцать представительниц военных округов и различных родов войск.

– Поселили нас в гостинице Министерства обороны, в самые обычные двухместные номера, – рассказывает Татьяна. – Жили дружно. Хотя, конечно, подготовка у всех была разная. Некоторые из участниц приехали со своими стилистами и визажистами. Помню, в первый вечер нас попросили показать вечерние платья и национальные костюмы. У некоторых девушек они были шикарные – с коронами, кокошниками, расшитые бисером и жемчугом. «Куда, – думаю, – мне с ними тягаться». Когда дошла до меня очередь, показываю свой скромный карельский наряд. «Самобытно», – говорят. А бального платья у меня не было вообще.

Финальный этап московского конкурса проходил в два этапа.

Первый – на стрелковом полигоне гвардейской Таманской мотострелковой дивизии.

– Едем туда, а за нами – десятки автомобилей и микроавтобусов, это почетный эскорт репортеров. Красавиц всего шестнадцать, а журналистов, как нам сказали, шестьдесят четыре. Хотя, мне кажется, их было даже больше. Все время находились под прицелом объективов. Очень нервная обстановка, – говорит Татьяна.

Кроме зачетной стрельбы по мишеням, красавицы преодолевали полосу препятствий и сдавали строевую подготовку.

– Из автомата я стреляю хорошо, а вот из пистолета, прямо скажу, неважно, – рассказывает Татьяна. – Потому что это оружие офицеров, а я в то время была младшим сержантом. В общем, в стрельбе из пистолета заняла совсем не почетное предпоследнее место. Так что своим выступлением на первом этапе конкурса была не очень довольна.

Второй этап назывался творческим. Участницы пели, плясали, читали стихи. В вальсе кружились с мальчиками-кадетами. Это были замечательные партнеры.

И я тоже пела, вот где очень кстати оказался свой баянист, плясала, а на стихотворном конкурсе прочитала балладу Роберта Рождественского «О зенитчицах». Помните?

*Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу
Этот след...
На батарее
Были сплошь –
девчонки.
А старшей было
восемнадцать лет...*

Это было очень кстати, потому что женщины могут не только служить в армии, но, если нужно, умеют и воевать.

А еще, когда зашла речь о хобби, я сказала, что главное мое увлечение сейчас не блины на Масленицу, не частушки и припевки, а воспитание восьмилетнего сына. Именно ему посвящаю все свое свободное время.

По итогам двух туров жюри первого Всеармейского информационно-пропагандистского конкурса назвало победительниц.

Корреспондент «Красной звезды» Ирина Павлюткина писала: «Общее мнение жюри: победы достойны все! Очарование конкурсанток, да еще помноженное на ум, профессиональное мастерство и грацию, умение «держат спину», присущее женщинам, которые носят военную форму, делали каждую из красавиц в погонах неотразимой.

Но конкурс есть конкурс. На третьем месте – сразу три прелестницы: младший научный сотрудник Военной академии РВСН имени Петра Великого лейтенант Дина Каримова – войска РВСН; телефонист телефонного взвода центра громкоговорящей связи ЦУС ефрейтор Алла Терентьева – Космические войска; дежурная бюро пропусков филиала Военного университета войсковой ПВО в г.Оренбурге рядовой Марина Федорцова – Приволжско-Уральский военный округ. Второе место поделили: солистка ансамбля песни и пляски ВДВ прапорщик Ирина Савицкая – Воздушно-десантные войска; писарь-почтальон танкового батальона гвардейской Таманской мото-

стрелковой дивизии рядовой Анна Барвинская – Московский военный округ; старший матрос Инга Музыченко из бригады охраны водного района – Черноморский флот. Первое место в нелегком состязании заняла старший кинорадиомеханик 40-го топогеодезического отряда в г.Петрозаводске младший сержант Татьяна Посевнина – Ленинградский военный округ».

Торжественная часть акции и награждение победителей проводилось на сцене Центрального академического театра Российской армии.

– Когда прозвучала моя фамилия как победительницы конкурса, то вначале подумала, что ослышалась. Но нет, снова меня называют – пришлось поверить, – рассказывает Татьяна.

Корона королевы смотрелась шикарно.

Ее преподнесли от Акционерного коммерческого «Алмазозолотобанка».

Хотя в журнале «Власть и политика» утверждалось, что самое название этой почтенной финансовой организации «говорит больше, чем досужие рассуждения некоторых мастеров пера», тем не менее на проверку корона оказалась бутафорской.

Остальные подарки от спонсоров были, возможно, не такие престижные, но, тем не менее, достаточно дорогие: телевизор, памятный золотой слиток, уют последней модели, ваза, кубок и т.д.

Когда Татьяну попросили попозировать перед фотоаппаратами с короной и алой лентой победительницы через плечо, все эти подарки отнесли за кулисы.

По окончании фотосессии там ничего не было.

Татьянин баянист проявил недюжинные способности детектива и почти все, что преподнесли королеве, вскоре отыскал. Бесследно пропали только набор косметики и туристическая путевка на двоих в солнечную Анапу.

А Татьяна? Что Татьяна?

Татьяна зашла в гримерную и сказала подругам-соперницам:

– Извините, я не виновата, что так получилось. Лубая из вас могла бы быть на моем месте.

Еще одним неожиданным подарком для девушек стали коллекционные наряды от Дома моды Швабауэр, в которых они дефилировали по сцене. Вообще-то предполагалось, что после конкурса их нужно вернуть.

– А нам сказали, что можем оставить себе на память, – говорит Татьяна. – На мне были топик, юбка и жакет. Один только топик, на котором имелся ценник, стоил как телевизор. Некоторые наряды были по шестьдесят-семьдесят тысяч – для военных цена совершенно нереальная.

Татьяна показала мне газетный разворот, на котором помещены фотографии шестнадцати участниц конкурса.

Действительно, все красавицы.

Нелегко было членам жюри выбирать первую королеву российской армии.

Но почему же ею стала именно Татьяна?

Раньше на Руси красивых девушек, а иногда и молодых женщин называли славутными.

«Славутность» – многогранное понятие.

Критериями внешней красоты считались круглолицесть, румянность, высокая грудь, крутые бедра, длинная коса.

Но кроме приятной внешности, славутная барышня должна была обладать умом, трудолюбием, умением вести домашнее хозяйство, отменной вежливостью, честным именем и тем несомненным обаянием, которое мы чаще всего называем душевностью.

... Что есть красота

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,

Или огонь, мерцающий в сосуде?

– писал Николай Заболоцкий.

Но нужно ли столь жестко противопоставлять внешний облик внутреннему содержанию и определять красоту в альтернативных рамках «или – или»? Вероятно, важно и то, и другое, хотя в каких-то конкретных случаях чему-то может отдаваться предпочтение.

В 2005 году, когда проходил второй (и пока последний) конкурс красавиц в погонах, Татьяну Посевнину пригласили в Москву для вручения короны новой победительнице.

Поскольку она в этом состязании не участвовала, то поинтересовалась у одного из генералов, входившего в состав жюри, почему два года назад именно ее назвали первой среди равных?

Татьяну это очень интересовало.

– Как бы вам объяснить? – сказал генерал. – Видите ли, ваше выступление в творческой части конкурса было настолько ярким, а самое главное – искренним и душевным, что это и предрешило ваш успех.

Коротко о том, что было потом.

Из Москвы она возвращалась обычным поездом. Из окна вагона увидела построенный оркестр

военной музыки. Подумала: «Кого-то из начальства встречают».

Когда ступила на перрон, оркестр грянул торжественный марш.

Это встречали ее.

– У меня, – говорит, – чуть чемодан из рук не выпал.

И были цветы, улыбки. Все ею гордились, и все ее поздравляли.

Призовой телевизор она подарила маме.

Муж, нейрохирург республиканской больницы, сказал:

– Я, конечно, знал, что ты красивая, но не думал, что такая красавица.

Через день Татьяну уже поставили в наряд.

Начались обычные армейские будни.

Я спросил, не появились ли у нее после конкурса какие-нибудь перспективы дальнейшего служебного роста.

– Появились, – сказала Татьяна. – Через некоторое время меня пригласили на работу в окружную газету. От этого предложения я отказалась, потому что не хотела оставлять семью и уезжать из Петрозаводска.

Через некоторое время у Посевниной появилась возможность перейти на другую должность. В феврале 2005-го она получила звание прапорщика и место начальника секретной части.

Потом ей предложили пройти курс обучения и стать военным психологом, другими словами, занять офицерскую должность. Но в силу ряда причин этого не случилось.

В 2009 году Татьяна родила второго сына, а в январе 2014-го уволилась из армии, прослужив в ней шестнадцать лет и восемь месяцев.

По обычным житейским меркам, Татьяна еще молодая женщина, тем не менее у нее есть удостоверение ветерана труда и две медали – 10 и 15 лет безупречной службы.

Сейчас Татьяна Посевнина работает в отделе призыва республиканского военкомата, где занимает должность старшего помощника по профессиональному психологическому отбору.

Фото предоставлены автором.

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудоже.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

